

Николай Малышкин

**БЕСФАМИЛЬНЫЙ РОЙ
И
КАРИБСКИЙ КРИЗИС**

Юмористическая поэма

Автор идеи — Н.Малышкин, В.Кудрейко
Исполнитель — Н.Малышкин
Редактор — Е.Радченко
Издательство – вопрос (пока).

г.Минск,

2011

От автора

Не взыщи, читатель верный,
За лукавство между строк.
Но сюжет обыкновенный
Отыскать, увы, не смог.

Посему взял за основу
Анекдот смешной о нас¹,
Разобрал всё понемногу
И смеялся целый час.

Вместе с тем кой-что придумал,
Сопоставил и приврал,
Чтобы выглядел солидней
И весомей матерьял.

Стало сразу все на место —
Это вымысел для вас,
Из истории контекста
Факты взяты на показ.

Коль в событиях движенья
Вдруг случайность проскользнет, —
То игра воображенья
И история не в счет.

¹ - имеется ввиду армейский анекдот.

Говорю про совпадения
И случайности не зря:
Лишь бы вы в своих суждениях
Не корили бы меня.

И чтоб понятым остаться,
Проглотив эмоций спесь,
Нужно все-таки признаться —
Доля правды в этом есть.

Во всех смыслах объяснился,
Приобрел в душе покой,
В размышленья погрузился,
Взял перо – и можно в бой.

Пролог

В октябре, от черной злобы,
В шестьдесят втором году
Человечество могло бы
Еще раз вступить в войну.

Спор Америки с Союзом
Был почти что за чертой.
И для мира стал он грузом —
Потянуло здесь грозой.

Посадил тогда ракеты
Джон² с турецкой стороны,
И нацелил на Советы,
Чтобы не было беды

С разрастаньем коммунизма
В списке дружественных стран,
Не худел от большевизма
Бизнесменовский карман.

А Никиту прокосило:
В эйфории был тогда —
Первой в космос запустила
Человека ведь страна
Новой власти:

Ей по плану в авангарде надо быть.

² - Джон Фицджеральд Кеннеди — 35-й президент США с 20 января 1961 по 22 ноября 1963.

Мировому капиталу
С ней положено дружить.

И, всегда твердив об этом,
За ООНовским столом,
По доске стучал штиблетом
И с Громыко кулаком³.

Оттопырив пальцем губы,
В даль дорогою морской
Он отправил груз на Кубу,
Тоже с ядерной бедой.

Как узнали в Вашингтоне,
Что в подбрюшии сидит,
Скучковались в Белом доме
И послали ноту в МИД.

Тем же часом расчехлили
Весь армейский арсенал,
Божьей помощи просили —
Типа час войны настал.

А в Кремле заголосили:
«Не пристало быть в долгу!»
Тоже тихо подводили
К роковой черте страну...

³ - имеется ввиду поведение советской делегации 12 октября 1960 года, во время заседания 15-й ассамблеи ООН.

Спор тот давний разрешился:

Уступили мы, они.

Янки так и не решился

Откопать топор войны.

Кто заставил Президента

Сесть, подумать? Чей был глас?!

Что от ядерного пепла

Сберегло весь мир и нас?!

Тайну всю я расскажу вам,

И про то здесь будет речь,

И поэтому прошу вас

Нетерпенье поберечь.

Информация об этом

Мне недавно отдана,

Хоть хранилась под секретом

В сейфе Вебстера⁴ она.

Достоверность вне сомнений,

Зуб отдам без лишних слов,—

Выкрал-то, ну просто гений

От Лубянки, — Соколов⁵.

И когда к нулю сводилась

Роль Артиста, Кравчука⁶,

⁴ - Уильям Хеджкок Вебстер — директор ЦРУ с 26 мая 1987 года по 31 августа 1991 года.

⁵ - Федор Соколов – агент КГБ, направлен в конце 80-х годов в США для борьбы с русской мафией (по мотивам фильма Л.Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода или на Брайтон-Бич опять идут дожди»).

⁶ - Артист, Кравчук — глава русской мафии в США во второй половине 80-х годов 20-го столетия и его заместитель (по мотивам того же фильма).

К сейфу Вебстера тянулась
Тайно Федина рука.

Время шло, всё порешали
С ЦРУ на Брайтон Бич,
Параллельно продолжали
С казино купоны стричь.
Коль от страху перед боссом
С Чапман⁷ Федя не дружил,
То в потеевских доносах⁸
Он себя не «засветил».

Дальше было все по нотам:
Подкуп, вымысел, шантаж.
Профи, чистая работа,
В КГБ научат вас...

Дело, впрочем, не в конверте:
Кто заклеил, как дошел.
А в самом том документе,
Что был выложен на стол
Меж бутылок и грибами, оливье, —
То с Федей мы
С ностальгией вспоминали
Вместе прожитые дни.

⁷ - Анна Чапман — российский агент, фигурант шпионского скандала, связанного с предательством Потеева.

⁸ - Александр Потеев — предатель, экс-полковник, приговорен к 25 годам лишения свободы за измену Родине; сбежал в США.

А прописано в бумаге,
В зашифрованном ключе,
Обсуждался как в Сенате
День недели с кодом «Ч».

И, согласно их закону,
Лишь Конгрессу объявлять,
Что всей армии и флоту
Уже можно начинать.

Вот сенаторы засели
В Капитолий, на холме,
Узаконить день недели,
И начало дать войне...

Глава первая

Линдон Джонсон — демократ,
Возрастом за пятьдесят,
Заправлял всем менеджментом —
Был он вице-президентом.
По характеру храбрец,
А Сенату как отец.
Все формальности решил,
И суть дела изложил:

«Нужно выбрать день такой,
Чтобы легче было в бой
Вывести армады всей
Танков, пушек, кораблей
Подстотысячный запас.
Сохрани господь ты нас!
Мигом русских одолеть,
А самим не околеть.

Вычленишь с недели дней,
Тот, где будет послабей
СССРовская рать,
Чтобы можно было взять
Всю страну нам с кондачка,
Сохранив свои войска,
Возродить там свой ГУЛАГ,
И поднять наш звездный флаг.

Для того, чтоб вывод верный принят был,
Обыкновенно,
Консультантов мы зовем,
Обсуждение ведем.
Так что к нам сейчас зайдет
Несомненный патриот,
В недалеком — молодец,
По Союзу — лучший «спец».

В зал вошел, словно из стали,
С кучей орденов, медалей,
Всем знакомый офицер,
ЦРУ пенсионер.
Поприветствовал Сенат,
В смысле том, что очень рад
Им услугу оказать,
И гражданский долг отдать.

Средь сенаторов движенье,
Скользкий шепот, удивленье:
Все, кто ближе был знаком
С новоявленным спецом,
Проявили скептицизм —
На их лицах механизм
Словно под симфонию
Выдавил иронию.

А сенатор с Каролины
Смехом пыркнул спецу в спину.
Даже мистер Гарри Белл

(Он всегда молчком сидел,
А сидел от штата Юта)
Громко выкрикнул «Да ну ты!»
Дали пóнять: «Ты не туз!»
Назревал тут, брат, конфуз...

Правда, Джонсон осадил,
И Сенат весь пожурил:
«Не на скачках мы, друзья!
Балаганить здесь нельзя.
Дня вопрос весьма серьезный:
Ведь кулак советский грозный.
Будем слушать мы спецá —
По Союзу мудреца».

* * *

Здесь прервется наш рассказ,
Да простит читатель нас.
Надо просто объяснить,
Все детали доложить,
Что за птица наш герой.
Имя есть герою – Рой.
И причина скажем где,
Что Сенат ответил «Фе!»

Чтобы все это понять,
Нужно в полной мере знать
Жизни Роя всю судьбу,
Предназначенной ему.

Про его карьерный рост,
И про то, как на погост
Он в России не попал,
И расплаты избежал.

Как на Родине своей
Стал изгоем, словно гей,
Безработным как он стал,
Да и как в Сенат попал...

Объяснимся: он в Сенат
Приглашен был – это факт.
Не случайно и не вдруг:
Все политики вокруг
Знали цену знаний Роя
О чужом Советском строе,
Близок был разведчик Рой
С тайной русской душой.

Так что кухню всю Москвы
Знал он будто изнутри.
И не только те секреты,
Что хранились под запретом;
Русский дух и мыслей нить,
Помогала что им жить.
Вот советы и давал,
Впрочем, этим промышлял.

Это первый штрих к тому,
Чтобы понять, почему

Весь Сенат так улыбнулся,
Когда спец наш заикнулся
Про гражданский, дескать, долг —
Ни к чему высокий слог,
За советы, коль казна
Отслюнявиться должна.

Да, корить за это можно,
И не думать, что так сложно
Жить на пенсию одну,
Инвалиду с ЦРУ.
И хоть пенсия дана —
Видит бог: мала она.
Службы невесёл итог —
Выслуги короткий срок.

Что все топчемся кругами?
Не пора ли, между нами,
Все о Рое рассказать.
А с чего же мне начать?!

Где родился и крестился,
С боя в парня превратился, —
Не пойдет об этом сказ.
Может позже, не сейчас.
Но вот школа ЦРУ
Под названием «Спай У»⁹,

⁹ - «Спай У» или «Ферма» — главный тренировочный центр ЦРУ для обучения и подготовки агентов. Находится на армейской базе Кэмп-Пири, штат Вирджиния.

Стала Рою домом, классом,
И мечтаний всех Парнасом¹⁰.

С юных лет на «Ферме» жил
Для того, чтоб позже в тыл
Быть заброшенным в Союз,
И, неся нелегкий груз,
Затесавшись в стан врага,
Наставлять ему рога.

А чтоб ро́ги больше были,
В школе ЦРУ учили
Всем премудростям, сноровке,
Проводили тренировки.
С тем, чтоб крепче стал в нем дух,
Легче перенес недуг, —
Психологией кормили
Да и голодом морили.

Но вершиной был тот тест,
Где юнец так и не съест
Ни индейки, ни варенья, —
Ничего в благодаренье.

А расчет был в «Лэнгли»¹¹ дальний:
Поступить уже легально

¹⁰ - Парнас — гора в Греции. В мифологии — место пребывания муз, в античной и европейской культуре — символ поэзии, поэтического признания. По содержанию — место, благодаря которому можно достигнуть профессиональных высот.

¹¹ - название штаб-квартиры ЦРУ, расположенной в городе Лэнгли, штат Вирджиния.

В кузницу всех командиров,
И идти наверх по спинам
То ли друга, сослуживца,
Не взирая на их лица.
Вверх по службе заползти,
Информацию грести...

Подготовлен был агент,
Всем хорош, интеллигент.
Знает русский, спорту друг
И постиг гранит наук.
Но а главным было, может,
Как с Рязани была рожа:
Смит¹² в стратегии силен,
По-державному умен!

Рой тогда в запасе был,
Час его не наступил.
А разведчик номер раз
(Назовем так лишь для нас)
Был отправлен поутру
Не куда-нибудь — в Москву.
Но учли не все, вот грех,
Ведь отправили в Моспех!¹³

¹² - Волтер Беделл Смит — директор ЦРУ с 7 октября 1950 г. по 9 февраля 1953 г.

¹³ - Моспех — с 2004 года Московское высшее военное командное училище (МВВКУ). Образовано 8 (21) декабря 1917 года. 16 декабря 1938 года переименовано в Московское пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР. В октябре 1945 года переведено в поселок Кузьминки, Ухтомского района Московской области. В июне 1958 года преобразовано в Московское высшее общевойсковое командное училище.

В абитуре проходил
Десять дней. И где схватил?!
Прямо я сказать не смею,
По науке — диарею.
Повели на бак-посев,
Что такого первый съел?
Бац! В анализах моменты —
Вражьих стран ингредиенты.

Неприятный эпизод.
Но финал уж близок. Вот
Появился особист
(Перед Родиной он чист).

Стал вопросы задавать
И намеки запускать.
Напустил кругом тумана:
Где живешь и как там мама?
Самогонку гонит бабка?
И поносная где тряпка?
Вмиг агента расколел,
И того конвой увел...

В штаб-квартире зажурились.
Ненадолго. Подхватились,
И, учтя беду засланца,
Чтоб на ней не повторятся,
Порешили о втором,
Со здоровым животом.

Без последствий чтоб есть мог
Красной Армии паек.

Стал курсантом номер два.
Снова здесь, привет Москва!
Не страдает животом,
Живо машет топором,
И таскает все подряд
Как и целый взвод ребят.
Марширует на плацу —
Все к единому лицу.

Проявляет, правда, рвенье
Он к военному ученью:
И на лекциях, пока
Спят друзья как детвора,
Номер два ученье бдит,
В рот наставнику глядит.
Учит ночью: вдруг кто сглазит.
Даже с кафедр не вылазит.

Впереди он на подхвате:
На работе и в наряде.
Хвалит партию, вождя.
Громко хвалит — так нельзя.
Всем всегда второй доволен,
А в быту — услужлив, скромн.
И уставы любит тоже.
На курсанта не похоже.

Но в Кузьминках возле стел
Особист не зря сидел.
Берия ему подстать.
Потихоньку стал он брать
В оборот того чтеца:
В подозрении всегда
Любознательность и рвенье
В познании ученья.

Да к тому же нестандартно,
Зачастую и пикантно
Поведение второго.
Странно все, хотя не ново.
Выпирать патриотизм —
Принижать коллективизм.
Где же принципы и страх?!
Вывод ясен: скрытый враг.

В перерыве на плацу
Подошел впритык к чтецу.
Слово за слово: как дома?
Далеко ль от дома школа?
Где и долго ли была
В оккупации родня?
Вмиг агента расколел,
И того конвой увел...

Год прошел, и ближе к лету
В штаб-квартире чешут репу:
Нужно снова засылать

Третий номер. Вновь, опять
Все в анализ углубились,
По потере прослезились.
И разведки всей клубки
Снова начали плести.

Где же третий?! Он в России
По решению мессии.
Все инструкции блюдет
И картошки сбор ведет.
Под присягой, все легально,
И по плану досконально.
Не турист, не коммерсант,
А советский, вишь, курсант.

И училища того же —
Отступиться ведь не может
Волтер Смит от директив,
Что когда-то, сам вручив,
Дал на подпись Президенту.
И, с тех подписей моментов,
Стал за них он отвечать,
В страхе вновь не подкачать.

Так что третий номер наш —
Усредненный, брат, типаж
Той когорты славной, смелой,
Подтвердившей ратным делом
В смерче огненных гирлянд,
Что кремлевский он курсант.

На мгновение прервусь
И серьезно отвлекусь.
В подтверждении тех слов
Повторить всегда готов –
Уважаю и ценю
Всех друзей из МВВКУ.
Впрочем, будем продолжать.

Что случилось там опять?!

Третий потирал всё руки.
Позади все эти муки
С подготовкой, чтением книг,
Чтоб поглубже он проник
В исторический процесс
И в борьбу КПСС.
Понять партию нельзя,
Не узнав все про вождя.

После фултоновской речи¹⁴,
В полной мере обеспечен
Был знакомый наш герой
(Повторюсь – еще не Рой).
Его в Лондон отвезли,
По Женеве провели.
По судам и кабакам,
То бишь, ленинским местам.

¹⁴ - В Фултоне, в США, в марте 1946 года премьер-министр Великобритании выступил с речью в отношении СССР. Эту речь связывают с началом «холодной войны».

И с военной подготовкой
Чувствовал себя он ловко.
Так что смело можно спать,
На сампо¹⁵ балду гонять.
Все ответит по уму
Что, зачем и почему.
Если грянет, вдруг, звонок
И ответа придет срок.

Смитом принято решение, —
Подчиненным наставление, —
Тайно троечку кормить
И об этом не забыть.
Дело взяли на заметку:
Попросили диссидентку.
Чтоб копыт не протянул,
Да и, ясно дело,— стул.

Все бы не было печали:
В день фатальный изучали
Партии для всех родной
«Краткий курс...»¹⁶, был выходной.
Отклонившись за тетрадку,
Третий кушал шоколадку:
Тетка только что была,
Вот еду и принесла.

¹⁵ - Сампо — самостоятельная подготовка.

¹⁶ - «Краткий курс истории КПСС» (до смерти Сталина — «Краткий курс истории ВКП(б)). С 1938 г. по 1953 г. издавался 301 раз в количестве 42816 тыс. экземпляров на 67 языках.

Ну а лектор был из ВУЗа,
И с большим партийным грузом.
Шоколадку он схватил,
Враз обертку оценил.
Стал курсанта распекать,
Уклонистом называть.
Вмиг призвал того к ответу:
«Расскажи о том, об этом».

Эх, знай наших!
Парень смело рассказал, как было дело:
Из Европы, издалёка
Видит ленинское око
Как российский весь народ
На Романовых плюет.
Из Женевы он следил
И борьбой руководил.

Чуть запнувшись, продолжал,
Что тот ел и где лежал,
Сколько пил и чем платил, —
Третий долго говорил...

За окном рассвет брезжит —
Третий за столом сидит.
А напротив — особист
(Перед Родиной он чист),
Чуть поодаль — костолом.
Говорят о том, о сем.

Старший резко сейф открыл,
Сразу прямо в лоб спросил:

«Где набрал ты знанья эти?!

 За бугром или у этих,
Кто Отчизну подрывает,
Нашу память оскверняет

 О величии вождя?!

 Не забудешь ты меня!»

 На курсанта надавил,
И агент опять «поплыл»...

Глава вторая

Подмосковье все в дыму,
«Лэнгли» днем подстать ему.
И откуда дымом тянет?!
Неужели торф то жарит
На огне себе обед?!
Затянуло гарью свет.
К счастью, это не пожар
И танцора-смерча дар.

От реки и до залива¹⁷
Свежий ветер, вдруг стыдливо,
Средь полей, за перелески
Прячет крыльев своих всплески.
Солнышко закрылось тучей,
И затих весь лес дремучий.
Замер птицы голос звонкий —
В ЦРУ идут разборки.

Дым идет из штаб-квартиры,
Слышен рев огромной силы.
В доме новая метла,
Вот огонь и развела.
Самым грязным был тот зал,
Где инспектор¹⁸ восседал:
«Как анализ Вы вели —
Двух агентов извели!»...

¹⁷ - от реки Потомак до Чесапикского залива.

¹⁸ - генеральный инспектор ЦРУ. Осуществляет инспекции, расследования, аудит.

На секунду мы прервемся,
И в сторонку отвлечемся.
За полдня до смены власти,
Не горели чтобы страсти,
(Смит немного сомневался,
Все ж оправданным остался),
О потерях, в пункт «Москва»,
Твердо вывел цифру «два».

Вспоминать о том, что было,
Что засланца-то сгубило,
Было как-то неприлично:
Все уж больно незэтично.
Снят вопрос — и все, с концом.
Он поднимется потом.

Где и как? Причем здесь Рой? –
Все всплывет само собой...

Ален Даллес¹⁹, накричавшись,
Крыс по норам нагонявшись,
Трубку нервно «прикурил»,
Вокруг мыслей задымил:
«Гарри-друг²⁰ пошел в разнос:
«Да утри ты русским нос!
На российском-то просторе
Нам слепым ходить доколе?!»

¹⁹ - Ален Уэлш Даллес — директор ЦРУ с 9 февраля 1953 года по 29 ноября 1961 года.

²⁰ - Гарри С. Трумэн — тридцать третий Президент США.

И опять же, бывший. Смит.
На Гавайях, гад, сидит.
Не вдаваясь в нашу дружбу —
Завалил он, все же, службу.
Круче буду я, зазнайка!
Будет русским балалайка!»
И когда совсем остыл —
Он про Вольфа²¹ не забыл.

Вспомнил Ален все детали.
Крепенько под зад им дали.
Вспомнил Штирлица, и Шлага,
И про то, как вся бадяга
Раскрутившись, вверх дошла.
Там в скандал переросла.
«Им позора не прощу!
С русских я за все взыщу!»

Предвкушая час расплаты,
Распаляясь от зарплаты,
Что проект сей принесет,
Роя он к себе зовет.
Рою стукнуло в обед
Вот уже семнадцать лет.
Но за внешность не взыщи:
На его лице прыщи.

²¹ - Карл Фридрих Отто Вольф (1900–1984) — один из высших офицеров СС, оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС.

Даллес трубку набивает,
Все очечки протирает:
«Вот, сынок, труба зовет
В долгожданный твой поход.
Будем все тобой гордиться,
Если сможешь ты внедриться
На военный склад без баб,
Лучше было бы — в Генштаб!»

На мгновенье замолчав,
Мух с ширинки отогнав,
Инструктаж свой продолжает,
Директивы развивает:
«По России траур шел —
Дядя Джо²² от них ушел.
Новым избран Маленков²³.
Он на что пойти готов?»

Так сидели у камина.
Рой, вспотевши, тер все спину.
Даллес встал, и, чихнув в нос,
Закруглял этот вопрос:
«И запомни, Рой, дружище,
Враг кругом, их будет тыща!
Ты — последний наш герой,
Хоть и третий. Бог с тобой!»

²² - Дядя Джо — кличка И.В.Сталина в общении между Рузвельтом и Черчиллем.

²³ - Георгий Максимилианович Маленков — советский государственный и партийный деятель, соратник И.В.Сталина. По содержанию имеется ввиду избрание на пост председателем Совета Министров 5 марта 1953 года.

Рой польщен приемом этим,
И, запомнив, что он третий,
Завалился раньше спать,
Чтобы вылет не проспять...

За то время, как летел,
Сидя в поезде глазел
На дороги и поля,
На березки, тополя,
Сам себя он убеждал,
Аргументы выдвигал:
«Как бы сделать, чтобы «Я»
Раздвоилось у меня!»

И не зря как он учился,
Смит учебною гордился:
Когда вышел из вагона —
Гаркнул громко так «Я дома!»
Первый голос оскорбился —
Но второй-то возгордился!
«Что же с русских можно взять?!
Еду снова поступать!»...

Вспомнив сотню директив,
В голове одну открыв,
Прочитал ее значенье:
«Без проверки посещение
Всех объектов запретить!»

Стал он думать, как тут быть.

Вот и выплыл тот вопрос,
Снял который старый босс.

Обойдя объект кругами,
Между лесом и кустами
Рой увидел магазин.
Странно. Был он без витрин.
«Он хорош крутить кино!»
Но табличка есть «ВИНО».
Голос шепчет тихо в ушко:
«Может здесь сидит «наружка»?»

Да! Есть опыт — не пропешь!
С ним ты, брат, не пропадешь!
Не успев зайти вовнутрь,
Рою преградили путь
Два здоровых мужика,
Снятых будто с потолка:
Все небриты и в побелке.
Голос шепчет: «Быть здесь стрелке!»

Улыбаясь, словно дети,
Первый с криком: «Вася! Третий!»,
Устремились резко к Рою,
Вскинув руки пред собою.
Захотели Роя взять:
Попытались обнять.
Три секунды — нету Роя,
Только плачут эти двое.

Разбирал тот случай шибко:
«Где прокол и в чем ошибка?»
Молотком стучало в мозг:
«Кто же сдал и кто донес?!
Факт сам ясен — нас там ждали.

Почему же опознали
В третьем именно меня?!
Ведь молчал об этом я?!»

Так в тревоге Рой и был.
Когда строим он ходил,
На учебе, в увольнении,
И в другом телодвижении.
Всегда думал он о том:
«Видно я под колпаком».
Средь народа он, пожив,
Понял: был другой мотив.

Эта встреча — эпизод.
Но бесследно не пройдет
Для дальнейшей жизни Роя,
Потому что, я не скрою,
От ударов молотка
Перешла боль на бока,
Стало сердце барахлить
Да и нервы теревить.

Это позже проявлялось,
А пока что зарождалась
Вся разведчика дорога.
Ждать еще придется много,
Чтобы цели он достиг,
И, в конце концов, проник
На военный склад без баб,
Лучше было бы — в Генштаб.

Надо многое снести
И лишений огрести.
Жить, боясь, что вдруг запрут, —
Это точно адский труд.
Ведь не зря же этот труд
Все отверженным зовут.
Он отвержен от себя —
Неспроста же так, друзья?!

... Время шло. Уж мама Кузи²⁴
Поселилась в кукурузе.
Всем грозились показать
Где живет, и что за мать.
Рой на Кушке офицером
Сильно занят ратным делом:
В службе надобно расти
И святой наказ блюсти.

²⁴ - «Кузькина мать» — русское идиоматическое выражение, означающее угрозу. Часто использовалось Н.С.Хрущевым в сторону представителей враждебно настроенных стран.

В «Центре» Роя оценили,
Но заданий не грузили:
Пусть вживается пока,
Узнает все про войска.

В день весенний, в полдень знойный,
Тянет ляжку Ванька взводный.
Стал толк в службе понимать —
Пора в партию вступать.

Причесавшись для порядку,
Взял авоську Рой в охапку:
К замполиту ведь идти,
Речь про партию вести.
А в авоську положил
Две бутылки, сало, сыр.
Завернул и коньяка —
Чтобы уж наверняка.

И был сильно изумлен,
Когда, сидя за столом,
Замполит его журил,
Чтобы тот повременил:
«Ходит про тебя молва —
Бродишь ты туда-сюда.
Не пристало распыляться
И по бабам так таскаться».

Сотку залпом заглотив,
Куском сала закусив,

Устав партии он взял,
Заикаясь, продолжал:
«Каждый наш партийный член,
Кем бы не был — один хрен,
Документ повинен знать
И по нем все исполнять.

Тут прописано как жить,
Спать с кем можно и дружить.
Отслужил — иди домой,
Спи с законною женой.
Не разжился, коль, женой —
Спи тогда ты сам с собой!
За свой облик пора браться,
Словом, надо исправляться».

Прошли годы и недели,
И давно уж околели
Все тушканчики в округе,
Что сидели в тесном круге
И таращили глаза,
Как сорвало тормоза
У того, который пил:
На Кресте²⁵ сидел и выл.

То несчастный наш герой,
Был под мухой, чуть живой:

²⁵ - Крест — десятиметровый каменный крест, обозначающий крайние точки Российской империи. Установлен к 300- летию дома Романовых.

Утешение одно

Было в жизни у него.

Замполитовский разнос

Пустил радость под откос.

От тоски пришлось надраться —

Не хотелось исправляться.

Не забыв про те слова,

Чтоб не пухла голова,

Рой очистился от грязи —

Ото всех случайных связей.

В заповедник²⁶ зачастил:

Тайно коз он там ловил.

Будет поймана коза —

Ему хватит за глаза.

Появился здесь просвет:

Дали все зеленый свет.

Рой теперь передовой.

Ходят слухи — голубой.

Днем кругом все изучает,

Ночью карты составляет.

Получился, брат, ковер.

В донесенье — за бугор.

Написал еще Рой маме:

«Ночью сплю всегда в пижаме.

Солнцем Кушки подкопченный,

Весь хожу почти как черный»...

²⁶ - Быдхызский заповедник

Даллес ходит как король —
Получили бандероль.
Донесенье изучили,
Орден Рою застолбили:
Тайны многие раскрыты,
Будут карты русских биты!
Письмецо то отослали,
Только перед тем — засняли...

...Скрипнув, занавес открылся.
Сквозь железо просочился
Шумный импортный отряд.
По-нерусски говорят.
Здесь чиновники с госдепа²⁷,
Уж шагнувшие²⁸ с рассвета.
Вот дедуля, патронаж.
Вдалеке сидит торгаш.

Толстоватый уж весьма,
А под кепи голова.
Цедит пиво с колбасой.
Но взаправду — он связной.
А был послан для того,
Чтоб, пройдя через «окно»,
Роя баксом²⁹ подбодрить,
Новый план ему вручить.

²⁷ - госдеп — государственный департамент США — министерство в правительстве США, возглавляемое Государственным секретарем США.

²⁸ - имеется ввиду подвыпившие.

²⁹ - баксом (разговорное) — доллар США

Путь сначала шел в Москву,
По легенде — в Воркуту.
Дальше мимо Астаны,
Кукурузником в Мары.
В магазине появиться —
Для отмаза, чтоб скупиться.
Должен быть с ковром теке³⁰,
Но вмешался КГБ.

Взят был после перелета.
Но такая, брат, работа
У сотрудников спецслужбы:
Хоп! И укатили дружно.
Комитет всех обскакал —
То связного был финал.
Рой стоял в семи шагах —
Ужас был в его глазах!

Разлилась боль по бокам;
Не спасли его сто грамм,
Те, что выпил он в ларьке,
Взяв бутылку в рюкзаке.
Страх смятение, испуг
Овладели телом вдруг.
Лишь спустя почти полгода
У мозгов пошла работа:
«Как узнали, где, откуда,
Пассажир что был «оттуда»?!

³⁰ - Текинцы (также теке, букв.«Горные козлы») — одна из крупнейших племенных групп в составе туркменского народа. По содержанию — текинский (бухарский) ковер.

С документами в порядке —
Проверяли при закладке.
Из конторы — не могли
(Тут и к бабке не ходи):
Не найти в лице связного
Сходства с мордою Петрова!»

По легенде жил Петров
В Салехарде, и, потом
Полетел из Воркуты
Кукурузником в Мары:
К теще в доме погостить
И товару прикупить.
По профессии — артист,
Русских песен пародист.

А поскольку знает дело —
Сам одет по-русски смело:
Был в рубахе с подоплекой,
Подпоясан был ширóко.
Чтоб с туркменом легче слиться
(Вдруг придется ему смыться),
В Подмоскowie взял халат.
На базаре, напрокат.

Вот теперь и посуди:
Как они узнать могли
В парне том русоволосом
(Заплетай хоть кудри в косы)
Из Америки врага.

Как же ставить им рога?!
Но вопрос открыт остался,
Кто бы им не занимался...

Так сотрудники Лубянки
Показали фигу янки:
На пути у них не стой.
Справка: негром был связной.

Глава третья

Отыграли «Марш славянки»,
А во рту сушняк от пьянки, —
К месту новой его службы
Провожали Роя дружно.
Утром разом похмелились
И по тройкам все разбились.
Сел в машине Рой вперед —
Повышение ведь ждет.

В «Центре» Роя поддержали:
«Молодец! Крути педали!
Мать-отчизна не забудет.
Человек для связи будет».
В прошлом боль душевных ран —
Надоел Туркменистан!
Навернулась лишь слеза,
Когда мимо шла коза.

Роя встретила Москва.
Ждал багаж он два часа:
Повезли вновь на весы.
А с руки «ушли» часы.
И на поезд не попал —
Проводник его послал:
С рук купил себе билет,
А реально — мест-то нет!

Двое суток уж минуло,
Наконец, добрался в Тулу.
На вокзале туляки —
Теперь Рою земляки,
Как родному, без навара,
И торгового угара,
Вдули тульский самовар,
Скрывшись сразу на базар.

Оказался самовар
Из Уфы, к тому же стар:
Прохудились, вдруг, бока,
Отвалилася нога.
Позже Рой сумел узнать:
Взяли три цены иль пять.
Оптимист Рой по природе:
«Ведь живой и на свободе!

Так чего здесь горевать?!
Нужно планку поднимать,
И расти вверх по карьере
Дни и ночи, все недели,
В полдень, даже по утру,
Нанося удар врагу!
В службе надо так подняться,
Чтоб легко было добраться
На военный склад без баб,
Предпочтительней — в Генштаб!»

Сладких дум костер развел, —
К проходной он подошел.

Здесь дежурный лейтенант,
Вежлив как официант:
«Кто такой на сей момент?
Есть ли с Вами документ?»
Заикается слегка,
На лице видны года.
У ворот стоит сержант.
«Как тут служба, лейтенант?!»

Тот затылок почесал,
В двух словах обрисовал:
«Командир — он словно змей.
Чтоб куда — ты и не смей!
Правда звания дает
(Как вот мне) — так каждый год.
Росту в званиях гарант.
Был майор — вот лейтенант!»

Да-а, полчек чудесный, видно.
Тут не взять и не отнять.
Ну а Рою, как известно,
К трудностям не привыкать.
Коли хочешь ты добиться
Роста в службе — то давай!
Начинай ты, брат, крутиться,
Рвись вперед, не отставай!

Жадно наш герой трудился,
Как голодных стая псов:
На работе находился
Целых двадцать пять часов!

Тут читатель весь взорвется,
С возмущеньем отзовется:
«Не обманешь, братец, дудки!
Часом меньше наши сутки!
Ты ври-ври, да знай же меру,
Не неси, дружок, химеру!»
Знаю в сутках сколь часов,
Но для вас ответ готов:

Чем он сутки экономил?
Тем, что раньше всех вставал.
Часом раньше он трезвонил,
И в солдатиков играл.

И не зря платил налоги
Из Нью-Джерси гражданин:
Будет жарко, видят боги,
Красным полчищам вражин.
Рой до верха доберется,
По-другому и не быть,
Когда в Штаты он вернется —
Будет там в почете жить!

Академия. Вот пропуск,
К новым тайнам быстрый допуск.

Поступить бы! Вот задача,
Для разведчика удача.
Стала цель эта мотивом,
Роя действий всех мерилом.
Мало хорошо служить —
Всюду первым надо быть!

Подчиненные в тот год
Сдали первыми зачет³¹,
Тот, что Ленин завещал,
А потом и собирал.
На собраниях выступает,
Порученья выполняет.
И в газете окружной
Формализму дал он бой:

У столовой, мимоходом,
Повстречался Рой с начпродом.
Был он сильно удивлен,
Что удвоен рацион.
Вместо тысяч двух калорий,
Что бойцу как в санаторий
Выдавали ежедневно —
Вдруг четыре! Это скверно!

«Это ложь, типичный срам,
И всей партии обман!

³¹ - «Ленинский зачет» — регулярное мероприятие в комсомоле, проводившееся с целью проверки политической грамотности и «повышения политической активности» молодежи.

А виновный должен сесть —
Столько брюквы в день не съесть!»

Бушевал партийный гнев:
«Буржуазный здесь посея!
Разговор по существу
Ведет прямо к воровству!»

Рой с позицией активной
Выделялся так ретиво,
Не жалея никого,
Что заметили его.

В донесеньи Рой отметил:
«Академия мне светит.
Не хочу вас утруждать.
Что мне делать? Дайте знать!»...

В штаб-квартире хоровод:
Можно позабыть про счет,
Что был выставлен конторе
При приватном разговоре
В президентском кабинете.
Даллес был за все в ответе:
Кучу долларов ввалили,
А связного завалили!

Рой для Даллеса спасенье,
Агентуры оживленье
В СССРовской стране,
И в холодной всей войне.

С коммунизмом биться можно.

Но за деньги. Осторожно
Отщипнуть и для себя —
Есть ведь и своя семья.

Посмотрев на перспективу,
Даллес пишет директиву:
«Развивая наш успех,
Чтобы не было помех
У агента в росте службы,
И, вникая в его нужды,
Роя надобно женить.
Исполнение — доложить!»

Рой шифровку получил:
«Центр» жениться разрешил.
И, не портя дальше глаз,
Он пустился тут же в пляс:
Ему тоже ведь нужна
Хоть отдушина одна.
Для женитьбы он созрел,
Даже девку присмотрел.

Но, взглянув на продолжение
В той шифровке, — изумление
И отчаянья волна
Овладели им сполна.
А в шифровке сообщалось,
Что в любви уже призналась

Рою женщина одна —
Генеральская сестра.

И влюбилась она срочно,
Хоть и вышло все заочно.
От любви вся поседела.
Но женитьба-то для дела!

Утешал Рой сам себя:
«Все стерплю, привыкну я.
Не скажу ведь «Ни за что!»
Может быть, найду в ней что?
Надо выполнить приказ!»
Но надежды луч угас
В тот же миг, как у друзей
Познакомился он с ней...

* * *

...Немного припустите обороты —
Нежнее поведем сейчас рассказ.
Простой эстетики заботы
Окутали слегка проблемой нас.

Мы прикоснемся к тонкой ткани,
Для многих уготованной судьбой,
Что в мирозданьи и меж нами
Зовется женской красотой.

Согласно авторскому нраву
Мы призовем на помощь тех,
Кому в поэзии, по праву,
Их гений преподнес успех.

Перо великого поэта
Способно на бумаге разложить
Всю прелесть красок и оттенки света,
Что смог господь ей подарить.

И было бы вполне логично
Сих мастеров любезно попросить
Стихом о красоте высокой, поэтично,
Мой скромный труд строкой озолотить.

Затея эта, я боюсь, пустая,
Ведь не предстала пред поэтом та,
Чей облик, взоры возбуждая,
Толкнет творить. Волшебник — красота!

Мы выведем на сцену Машу,
Чтоб мировым поэтам показать,
Но заграничную толпу всю, да и нашу,
За день мы вряд ли сможем отыскать.

Обличье Маши впечатляет,
Гусиное пропало лишь перо,
Которым красоту обожествляет
Рука поэта, рифмы мастерство.

А жаль! Озолотиться не случилось.
Придется на́ дом труд сей взять:
Ведь изложение застопорилось,
И могут нас неправильно понять...

...Классным штилем изъяснились,
Вместе с тем не умудрились
Про невесту рассказать.
Ну, во-первых, Машей звать.
Говорит, что ей за тридцать.
(Рою в матери годится).
По уму — как пионер.
Весом, правда, за центнер.

По наружности прилична,
Может, где-то симпатична.
Только на бок скошен рот,
И все время им жует.
Бородавка на носу,
Даже вроде бы к лицу.
Взгляд свирепый, но косой.
И щетина над губой.

Здесь становится понятно,
Почему так деликатно
Испарились бы поэты,
Попроси мы их об этом —
Штилем Машу описать
И красу всю показать:

Не нашлось бы столько масел,
Ибо образ был ужасен.

Остается лишь гадать,
Что Тургенев мог бы дать,
Попроси его о том
В духе сталинских времен.
Тут и нечего гадать,
Сто рублей готов отдать:
Устремился б поутру
За своей Муму ко дну.

А великий наш поэт —
А.С.Пушкин?! Он эстет
В описаньи красоты.
Нам и думать нет нужды:
До дуэли не дожил бы —
Сам себя он застрелил бы.
Разобрались мы без них.
Почему герой притих?

Рой увидел — обомлел.
Даже в лужу чуть не сел.
Но прошло два-три мгновенья, —
Отошел от впечатленья.

Сам с собою рассудил:
«Даллес кашу заварил!
Чтобы в службе продвигаться,
До Генштаба чтоб добраться,

И пускать Советам кровь,
Мною жертвует он вновь.
Да-а! До счастья далеко!
Где разведчикам легко?!»

А душа болит, зудит,
Словно гнойный гайморит:
«Как с ней жить?! А ведь придется!
И без ласк не обойдется!
Все мычит, словно корова,
И не скажет толком слова!
Кара божья — не жена,
Генеральская сестра!

Если станет очень тошно, —
То забросить сотку можно.
Даже эта с пьяных глаз —
Хоть любуйся на показ!»
Вспомнив Машин томный взор,
Подавил в себе укор:
«Да! Раскосые глаза!
Все же лучше, чем коза!»

Свадьбу шумно отгуляли,
Стали жить при генерале.
Для прикрытия удача —
Решена одна задача.
И на службе, и в быту
Рой всегда был начеку.

Каждый день связного ждал

И борьбы не отменял...

Глава четвертая

У Ивановских ворот³²
Все кучкуется народ,—
Новость эта всех задела,
По Союзу пролетела:
Первым в космос улетел
Наш советский офицер;
И Гагарин, словно птах,
Поселился на устах.

Каждый Родиной гордится
И мечтает, что свершится
Скоро то, о чем твердят:
На Луну все полетят
Враз планету застолбить.
Да и надо бы обмыть.
Появился, видим, Рой.
Здесь гуляет он с женой.

Собрав волю всю в кулак,
Через силу, кое-как,
Рой с судьбой своей смирился,
Даже с Машей, вроде, сжился.
Хоть и вынужденный брак,
Но не нужен здесь бардак, —
Ведь в победе над Москвой
Годен способ был любой.

³² - Ивановские ворота — им.ввиду Башня Ивановских ворот — одна из девяти башен Тульского Кремля.

В образ Рой вживался крепко:

По гражданке носил кепку.

Привык семечки щелкáть,

На гармошке стал играть.

Ведь для дела — неспроста

Забивать он стал козла.

И чернилкою³³, порой,

Шлифовался сам с собой.

А супруга Роя чтит —

За одеждою следила.

Чистит форму и пиджак,

Чистит брюки. Но никак

Обувь вычистить не хочет,

И на просьбы все гогочет:

«Чистить обувь?! Это бред!

Ведь на ней карманов нет!»

Рой был красным командиром,

Действовал в быту ретиво.

Раз, придя домой в обед,

Захотел поест котлет.

Попросил об этом Машу,

Но в ответ: «Поешь ты кашу!

Я с утра учу сонеты,

А ему «подай котлеты»!

³³ - Чернилка (разговорн.) — дешевое плодово-ягодное вино.

Вся устала до предела,
За день так и не присела!»
Пришлось Рою кашу съесть,
Ну а ей — сто раз присесть.

Рой все жертвует собой,
В Вашингтоне он — герой:
Так по жизни изголяться
И не разу не сорваться!
Всё, «покуривая» трубку,
Повторяет Даллес в шутку:
«До Генштаба добредем
Мы естественным путем!»

Ну а в Туле пролегает
Роев путь, где восседает
В доме быта, в мастерской
Его друг. Всегда бухой,
Всем известный дядя Миша.
Он сапожник, плохо слышит.
Диковат и нелюдим.
Рой сошелся ближе с ним.

Поначалу заходил,
Сапоги чтоб тот чинил.
Для того, чтоб не сорваться,
Надо все же расслабляться.
С кем тут время проведешь?!
Вдруг по пьянке что сболтнешь!

Здесь же можно разгуляться
И последствий не бояться:

Тот с утра уже косою,
Да к тому же он глухой.
Скорешилися на пару.
Рой — ответственный за тару.
И общались за столом
Неформальным языком.
Чтобы выхлоп меньше был —
К чесноку дед приучил.

Так и шло все потихоньку.
Приближалось полегоньку
Время Рою поступать.
Но не будем обгонять
Ход событий наперед.
Неизвестно, что нас ждет
За ближайшим поворотом
Вместе с мировым оплотом.

Что касается оплота,
То идет всю работу
С построеньем коммунизма.
У вождя была харизма
Точный срок всему давать,
Людям в мире доказать:

В двадцать лет мы рай построим³⁴,
Чем и Маркса успокоим.

Делает народ всё вид,
Что он верит и спешит
Подсобить Хрущеву дружно.
И не есть, коль будет нужно.
Ведь в марксизме про еду
Не найдешь ты не одну
Строчку за весь срок движенья —
Коммунизма построенья.

На язык-то был остер
Наш Никита, и хитер.
Фортель выкинет такой,
Что хоть в прорубь головой:
В Казахстан зерно везут
И посеют. А пожнут
И доставят из Канады.
Нет для фокусов преграды!

А природа гоношится,
Маем солнышко струится,
И всюю цветет весна!
Кошкам снова не до сна.
Вот и Рой все ходит, ищет,
В обороне брешь, где свищет.

³⁴ - Рай построим — имеется ввиду речь Н.С.Хрущева на 22 съезде КПСС в 1961 году, в которой он пообещал построить коммунизм к 1980 году.

Но добытые секреты
Не дают на все ответы.

Засекречено так сильно,
Что, работая стабильно,
Наш советский инженер,
Заграничным не в пример,
Сам, порою, и не знает,
За столом что он ваяет.
Даны сроки, спущен план —
Пусть и думает Генплан!

Замутят на съездах планы, —
А ты думай, лазь в карманы,
Подставляйся и шпионь,
Контрразведку урезонь.
С КГБ бороться трудно,
И вести себя паскудно
Заставляет красный пресс —
Всех чекистов интерес.

Здесь от Тулы недалече
Есть музей. Сюда на встречи
Ездит, опасаясь, Рой.
И следит все за собой —
Нет ли где за ним хвоста.
А боится неспроста:
Помнит ужас и поныне
И в Марах, и в магазине.

Контактировали в бане³⁵
Средь людей, в Ясной Поляне.
Бледнолицым был связной, —
 Не забыли геморрой,
 Что устроили себе
С негром в прошлом сентябре.
 Не живут в России, братцы,
 Как у них афроамериканцы.

Челноки меж рук сновали —
 То они передавали
Пачки, свертки очень ловко.
Да! В руках у них сноровка!
 Неспокоен все же Рой,
 Потерял совсем покой.
Здесь с гэбэшником нужна
 Очень тонкая игра.

 Да и нервы накрутила
 Рою Маша. Учудила:
 Позвав в гости особиста,
 И натанцевавшись твиста,
В разговоре с большевичкой,
 Старой и худой как спичка,
 Выкрикнула в пустоту:

 «Да видала я в гробу
Ленина — вождя всех наций!»

³⁵ - Баня — один из элементов архитектурного ансамбля усадьбы дома-музея Л.Н Толстого в Ясной Поляне.

Перестали все смеяться,
Быстренько заторопились,
С особиста глаз все смылись.
Словно громом пораженный,
Рой стоял весь отрешенный.
Тут же взвился весь ужом,
Будто тыркнул кто ножом:
«Что ты мелешь языком?!
Ты же думай! Я краском!»
А в уме «Как оправдаться?!
Может быть в бега податься?!»

Маша плечи распрямила,
И зевок свой подавила:
«Тетя Соня вспоминала,
Как в девичестве, бывало,
Видела вождя живого,
Интересного такого.
Тем гордится и сейчас,
Свысока глядя на нас.

Но и мы не лыком шиты,
И мгновенья не забыты
Тех великих, светлых дней:
Мы ходили в Мавзолей.
Вот и весь наш разговор.
Ни к чему весь твой укор».
Всю посуду собрала,
И, шатаясь, спать ушла.

Пришлось Рою объясняться,
Пред соседом унижаться.
А сосед-то особист,
Хоть и с виду неказист.
Злой, но мягкий в разговоре,
Как и все в его конторе.
Но сумел Рой убедить,
Знал, агент, на что давить:

Особист денегат срубал,
А вернуть-то забывал!
Пригодится навсегда
Ахиллесова пята!

Вот и ходит наш дружок
Весь взведенный как курок.
Не хотелось бы спалиться,
На контакте завалиться.
И, гуляя по прешпекту³⁶,
Подойдя потом к объекту,
Оборачиваясь всё ж,
подавлял в коленях дрожь.

Обозначил Рой все риски,
И на каждый сделал списки:
Где опасность, где случайность —
Здесь потребна доскональность.
Велика цена вопроса.
КГБ — это угроза.

³⁶ - прешпект — березовая аллея, появившаяся в Ясной Поляне около 1800 года.

Все. Додумал. Засиял —
Шерлок Холмс тут отдыхал.

Рассказал недавно тесть:
Городская баня есть.
Славится та баня паром,
И пивнухой, то есть баром.
А любители парной
В баню прутся всей гурьбой.
Едут косточки попарить
И здоровьюшко поправить.

И не будет подозренья,
В том, что утром в воскресенье
Ходит в баню Рой помыться
И парилкой насладиться.

Разве в ум-то кто возьмет:
Голый вот мужик идет,
Здесь в парилку он заходит,
Голым из нее выходит.
Негде спрятать ничего!
Что смотреть-то на него!
Он большой любитель пара —
Не боится печи жара.

Этот голый дядька — Рой.
Есть еще один — связной.
Термостойкие ребята,
Фыркают как жеребята.

Как парку-то поддадут —
Из парилки все сбегут.
Паром все глаза затмило,
Лишь связной с кусочком мыла.

Где же свертки с содержимым?!
Пачки спрятаны с хранимым!?
Скрытный метод — гениальный,
Ибо способ тот ректальный.
Весь обмен проходит быстро.
Что немаловажно — чисто.
Один раз прошло без мыла —
Очень неприятно было.

Все вертелось как по маслу,
Чувство страха поугасло.
Стал и шури́н намекать,
Что пора давно искать
Рою должность аж в Москве,
Заодно уж и себе.
Два-три года — быстрый срок,
А награда — поплавок³⁷.

Служит Рой, из кожи лезет,
Днем и ночью все он грезит
Академией командной
И возможностью громадной,
Что предстанет перед ним.

³⁷ - имеется ввиду значок в виде белого ромба, выдававшийся выпускнику военной академии.

Станет он незаменим.
В ЦРУ системе сложной.
Гонорар попрет надежный.

И уже почти в кармане академия,
Меж нами,
На другое наплевать —
Поскорей бы должность сдать.
Уровень держать с «любимой»
И, конечно, с дисциплиной.
Если будет где «залет» —
Поступление уйдет.

Не случайно Рой взбесился,
Перед строем матерился:
Был приказ, и дембеля,
Тихой сапой, для себя,
Принесли в казарму водку,
Чтоб устроить с нею сходку.
В ночь, когда всех «отобьют»³⁸,
Командиры все уйдут.

Рот слюною переполнен,
Матюками плац заполнен:
Рой устроил всем разнос —
Кому в ухо, кому в нос.
Неповадно чтобы было,
И, от мысли лишь тошнило,

³⁸ - Когда всех «отобьют» (разговорн.) — после команды «Отбой».

Чтоб дошло за раз бойцу —
Вылил водку на плацу.

У солдат дыханье сперло.
И сломались сразу сверла
У рабочих, что над штабом:
С утра мучались те с флагом,
И с приказом флаг прибить.
Пришлось все остановить.
Не видал из них никто,
Чтоб так с водкой. Ну, кино!

Из хозяйства тылового,
Вдруг лягнула ездового
Лошадь старая, заржав:
«О-о-чень сильно Рой неправ!»
В штабе Роя все ругая,
Судьбу водки обсуждая,
Утверждают: «Беспредел!
Не советский офицер!

К нам он засланный оттуда!
Не бывает в свете чуда,
Чтоб советский человек,
За весь прожитый свой век,
Вылил водку как помои.
Не позволят нам устои
С водкой грубо обращаться.
С Роем надо разобраться!»

Тот и сам перепугался:
Понял — он перестарался.
Подозренье ни с чего
Камнем пало на него.
Рой надеялся — проскочит.
Ведь без денег не захочет
Остаться особист.
Был то журавлиный свист,

Ведь для песни время нужно.
Телефон звенит натужно,
И елейный голос просит в штаб зайти:
Ему приносит
Долг сосед. Причем все сразу,
И не слышит он отказу:
Расчет точный — крепче дружба.
По фиг остальная служба.

«Неужели пронесло?!
Провидение спасло?!»
Все же Рой — агент что надо!
В штаб крадется он по саду.
Спрятавшись за куст сирени,
Усмотрел у штаба тени:
«Первый — точно особист,
А второй-то кто?! Гэбист!»

Потекла у Роя крыша:
Ведь гэбэшник — дядя Миша!

Метрах в ста, уже за садом
Воронка стоит с нарядом.
Дело ясное – провал!
Вмиг из сада убежал.
Где же Рой!? В помине нет
И затерян его след...

Быстро смывшись со всех мест,
Сам поставил себе крест
На карьере как агента,
Самого эксперимента,
Что вело всё ЦРУ
По внедрению в Москву.
Весь обделался наш Рой.
Он для Штатов — не герой...

Глава пятая.

От Москвы до Патонака,
Как побитая собака,
Озираясь по углам,
Крался Рой, скрывая срам.
Он предстал пред шефом грозным.
О раскаянии позднем
Он бессвязно бормотал,
Мол, в Генштаб-то не попал!

«Не в порядке с организмом.
В битве с клятым коммунизмом
Всей полжизни полегло!
Язви в душу ты его!
На алтарь легли свободы
Лучшей жизни моей годы.
Это правда, а не лесть.
Я прошу сие учесть!»

Даллес нервно улыбался,
Быть спокойным всё старался:
«Черт! С Кочинос³⁹ прогорел,
И агента проглядел.
Рой-то сильно изменился!
Даже где-то опустился.
Неприятно лицезреть.
Где он будет нужен впредь?!

³⁹ - Кочинос — имеется ввиду провал операции по свержению Ф.Кастро, подготовленной ЦРУ. Операция проводилась в апреле 1961 г. в районе залива Кочинос (залива Свиней).

Матерится, как сапожник,
Взгляд всё прячет, как заложник.
Провонял весь чесноком,
Скользкий, словно нервный ком.
Весь в тревоге постоянно,
Чешет ухо регулярно,
И все трогает бока».
Вслух сказал: «Иди, пока»!

«Матерь божья! Пронесло!
В чем-то в жизни повезло!
В ЦРУ остался в штате!
Русских хватит пусть Кондратий!
Это надобно отметить.
Всех врагов, прошу заметить,
Уже больше не боюсь.
И того, что я сопьюсь»!

Зашумели тут Багамы.
Во все штаты телеграммы
Полетели вмиг от Роя:
«Я гуляю на просторе,
Приезжайте! Отдохнем!
Русской водочки попьем»!
Он веселья генератор,
И гудит, как трансформатор...

Как обычно поутру,
В штаб-квартире ЦРУ
Донесенья со всех стран.
Есть депеша из Багам:
«Ваш сотрудник, мистер Босс,
Ряд отелей вдрызг разнес.
Находясь в угаре пьяном,
Он пронесся ураганом

По Фрипорту⁴⁰, словно танк.
Добрался, в итоге, в банк.
Здесь успел всех удивить:
Захотел он уплатить
Взносы партии чужой.
С его слов, так дорогой,
Ленинской, навек любимой,
С истинно народной силой.

Успокоился тогда,
Когда выложил сполна
Нужную к уплате сумму.
Приобнял кассира тумбу,
Вспомнил «Интернационал»,
Пьяным замертво упал.
Просим с Роем разобраться,
И, конечно, рассчитаться».

⁴⁰ - Фрипорт — крупнейший город на острове Большая (ой) Багама.

Рой проснулся очень поздно.

На него глядели грозно

Два здоровых санитаря.

Чуть поодаль — еще пара.

«Дайте мне попить водицы!

Почему лежу в больнице?!

Неужели среди клиентов

Не бывает инцидентов,

Когда лишнего зальют

И посуду перебьют?!»

«Пьют. Бывает иногда.

Но мертвецки — никогда!

Тех-то урезонить можно,

А тебя, брат, невозможно.

Кучу баров развалил.

Коммунизм ты всё хвалил».

Как услышал, как он рвался,

И чего он добивался, —

То так сильно удивился,

Будто сам опоросился.

«Мать святая! Помоги!

От несчастья сбереги!

Сделай так, чтоб у меня

Было вновь одно лишь «Я»!

Ни к чему мне раздвояться,

Коммунистом притворяться»!

Стать собой — это наука.

Сбудется ли — вот в чем штука.

А из «Лэнгли» (Рой уж слышит),

Как в затылок ему дышит

Даллес. И вовсю ворчит,

Трубкой по бокам стучит.

Затаился наш герой,

«Квасит» водку сам с собой.

Тишь на острове⁴¹ стоит.

Правда, это только вид.

Вновь депеша из Багам.

А в бумаге (стыд и срам)

Жалоба опять на Роя.

Нету Даллесу покоя:

«В электричке при проверке

Сняли «зайца». У скамейки

Он скандал нам закатил,

Матюками всех покрыл.

Попытался взятку дать

В виде водки. Наказать!

Норовил он всех порвать,

Ну а женщин — покусать!

Беспрерывно водку пил,

Все советское хвалил.

Повлияйте, Босс, на Роя,

А не то хлебнете горя».

⁴¹ - имеется ввиду остров Большая (ой) Багама.

Вновь очнулся Рой в больнице.

Всё вокруг ему не снится.

Санитары, доктор рядом,

Пот струится с него градом.

Капельница. Сидит монашка,

И смирительная рубашка, —

Крепенько опять запил.

Снова Даллес всё простил...

Восстанавливайся тихо,

Не ищи себе ты лиха!

Проходило бы всё так,

Не вмешайся тут пустяк:

Из Союза прилетел

Чуть живой, но все же цел

Тот связной, знакомый тульский,

По повадкам тоже русский.

На Багамы, на курорт,

Отдохнуть он во Фрипорт

Самолетом прилетел.

Посетить он захотел

Сад ручьев, и Лукайяны⁴²,

И фламинго караваны

Южный танец посмотреть,

Душу красотой согреть.

⁴² - Сад ручьев и Лукайяны – Сад ручьев и Парк Лукайян — одни из достопримечательностей острова Большая (ой) Багама.

Встрече с Роем был он рад.

Позабылся сразу сад.

Брата встретил по несчастью,

Вновь в отеле быть ненастью.

«Рэдиссон»⁴³ опять гудит,

На лужайке пыль стоит:

Это встретились друзья,

Им мешать сейчас нельзя.

Результатом стало то,

К чему, видно, все и шло.

Вновь депеша в штаб-квартиру —

Приложенье к тому пиру:

«Молча мы перетерпели,

Когда строим песню пели

Всё про серую шинель.

В голову им стукнул хмель.

И шагали мы по-пруски,

Заставляли петь по-русски.

Кто не пел, а лишь мычал —

Враз по морде получал.

Пальму начали пилить,

Чтобы баню затопить.

Посидеть в парилке дружно.

Им для дела это нужно.

Но и здесь мы промолчали,

Чтобы не было печали,

⁴³ - Рэдиссон — отель «Рэдиссон».

И разрухи помощней.

Что до пальмы —

То черт с ней!

«Русской бани у нас нет!» —

Не понравился ответ.

Друг пошел ее искать,

Рой, вдруг, начал закипать:

«Красной рыбы я хочу,

А не то — поколочу!

У вас сервис мировой —

Принесите с головой»!

Тут бармены, повара,

Все гурьбой, как детвора

Разбежались по Фрипорту:

По отелям, к судна борту

С просьбой о покупке рыбы,

Мол, продать бы не смогли бы,

Только красной, с головой.

По цене так по любой.

Подносили Рою рыбу.

Плелся каждый как на дыбу.

Всем хотелось ублажить

И насилье пережить.

Выбор был по рыбе красной

Сказочный, сказать, прекрасный:

Тут форель, кета с Востока. Дальнего.

Но Рой жестоко
Рыбу грубо отвергал,
Градус гнева повышал.

Здесь и Каспия дары:
Вот севрюга, осетры.
Выбирай на вкус любой
Рыба вместе с головой.
Рой шумит: «Не то! Не то!»,
Все хвосты летят в ведро!
Разошелся наш герой,
На пути его не стой!

Благо, друг вернулся вскоре.
Рой бушует, людям горе.
Тот смекнул враз, что к чему —
Был понятен одному
Другу Роевский наезд.
«Эту рыбу Рой не ест!
С глаз долой деликатес!
Ведь для Роя это стресс!

Во всем городе громадном
Кильку в соусе томатном
Отыщите сей же час!
Не отстанет Рой от вас,
Пока банку он не вскроет,
Съест и нервы успокоит.
Посмотрите — он больной,
Непорядок с головой»!

Так что, мистер Босс, короче,
Нам терпеть уже нет мочи.
Не клиент это. Абсурд.
Подаем мы дело в суд».

Вновь в палате Рой, в рубашке,
При уколах и монашке.
Врач-нарколог из больницы,
Где тусуют эти лица,
Все услышав, погрузив,
Пишет четко: рецидив.
Запечатав весь отчет,
В штаб-квартиру все он шлет.

Ну а в «Лэнгли», как везде —
Не бывать здесь новизне:
Побыстрей чтобы отмыться,
Вмиг решили откреститься
От проблемного агента ,
ЦРУ эксперимента.
Правда, Рою долг отдали —
Пенсию частично дали:

Тут вмешался Волтер Смит:
«Рой — конкретный инвалид.
Он болезни приобрел,
Бой когда незримый вел
С демократии врагом,
Напряженья очагом.

Инвалидом пусть он будет,
И тогда шуметь не будет».

Путь разведчика закончен,
И карьеры рост испорчен.
Видно и судьба, что дышло —
Думал как, а вон как вышло:
Жил по роли, с нею сжился,
К русской жизни пристрастился.
Стал совсем почти как наш,
Но теперь, увы, алкаш.

Кадровый подход не новый,
И для нас давно знакомый.
Если нужен будешь где:
На работе ль, на войне, —
Все по шерсти будут гладить,
От задач чтоб не отвадить.
Чуть от дел ты отошел —
Будто бы Мамай прошел:

Будешь вмиг забыт, заброшен,
Отношеньем огорошен.
И не нужен никому,
Разве только самому.
Ну, а если оступился,
С горя с водкой породнился, —
Сразу станут сторониться,
Отворачивать все лица.

И обиднее вдвойне
Побывавшим на войне:
Пришли с горя — здесь веселье.
В утешенье — лишь похмелье.
До проблемы нету дела —
Что в твоей душе засело.
Горит пламя как фантом.
Теперь знаем — есть синдром.

Нынче он знаком и нам:
То Афган или Вьетнам
Добирают всё плоды —
Отголоски от беды...

К слову высказать пришлось,
Но по теме, да и вскользь.

Да, совсем чуть не забыл:
Вот поэтому чудил,
Хулиганил Рой несчастный,
И ходил как день ненастный.
Не судите его строго,
Не ругайте однобоко.
Было нужно лишь вниманье,
А для этого — желанье.

Как-то дальше надо жить.
Попытался Рой открыть
Дело частное свое
По продаже мумие.

Впрочем, скоро прогорел,
На безденежье засел.
Что ж! Придется наниматься
Только чем же заниматься?!

Много фирм Рой обошел,
Но вакансий не нашел:
Не востребован пока
Крепкий запах чеснока,
Мутный взгляд и красный нос.
Есть еще один вопрос.
По культуре он общенья.
Ведь для дам — одно смущенье.

Нахлебавшись всех мытарств,
Наглотававшийся лекарств,
Рой нашел себе работу.
Он на рынке был в субботу.
Средь мясных рядов прошел —
Там работу и нашел:
В шесть секунд коровы тушу
Раскроил за милу душу.

Резать может — не отнять.
Стал он мясом торговать.
Рубит сам, и сам же взвесит,
В разговоре куролесит
С покупателем, шутя.

Оборот день ото дня
Вверх все цифрами стремится.
Покупатель уж толпится.

Рой доволен, Мастер — тоже.
И размер уже умножен
Той зарплаты, что в начале
Раз в неделю обещали.
На беду второе «Я»
Укусило как змея.
Он забылся, что не в Туле.
Вот его и отпихнули:

Он мясник, и каждый знает,
Что в России означает
Топором мясным махать:
Значит можно получать
Барыши от недовеса.
Это признаки прогресса
Пролетарского труда.
Как у Маркса, господа!

Вот и поделился Рой
С Мастером. Вдруг головой
Сам открыл наружу дверь.
Безработный он теперь.
И куда ему податься?!
Можно плакать иль смеяться.
Не понять им русских духа,
Для души у них нет слуха!

Вас не стану утомлять,
Расскажу лишь как опять
Рою снова не везет —
Из него советским прет.
Вывод делайте вы сами —
Вся история пред вами:
Удалил ли из себя
Рой чужое ему «Я»?!

Снова в поисках работы.
Но кругом лишь идиоты;
Закрывают дверь пред ним:
«Мы такого не хотим!»
Но помог лишь Смита блат:
Добрался в Сосновый штат⁴⁴.
Там на верфи курсах, в Бате⁴⁵
Сварку учит Рой в халате.

Парень хваткий и толковый.
Курс освоил, хоть и новый
Был для Роя сам предмет.
Был отличным весь ответ
По теории всей сварки.
И не видит Рой запарки,
Чтоб практически курс сдать,
Ловкость рук всем показать.

⁴⁴ - штат Мэн в США. Прозвище, официально утвержденное законодательным собранием штата, — «Сосновый штат», так как его земли славятся своими лесами, особенно сосновыми.

⁴⁵ - город Бат, штат Мэн. Расположен на реке Кеннебек.

На глазах всего народа,
В руки по три электрода
И с задачей: шов варить,
Ничего не упустить,
Технологию блюсти,
Разговоры не вести,
Испытание начали.
Час по времени лишь дали.

Про себя герой смеется,
Все легко ему дается:
«Час на сварку! Это много!
Побыстрей сварю намного!
И по смыслу, по-большому,
Если делать по-простому
Электродов двух — довольно!
Сэкономлю самовольно!

Контролеры удивятся,
Безусловно, восхитятся.
И тогда на верфи местной
Место будет мое честно!
Дальше – лучше все пойдет,
Что до качества — сойдет»!
То порыв, а не маразм, —
Трудовой энтузиазм.

Непонятное смущенье,
Злости взрыв и возмущенье —

Это все моментом, сразу,
Волей чей-то, по приказу
Поразили Рою сердце,
Как убийцы тока - герцы.
Это факт, а не скандал —
В судоверфь он не попал.

Практики экзамен сгинул.
Может кто-то его кинул?
Или кто-то ему мстит,
И по-тихому вредит?
Неужели лик фортуны
И спокойной жизни струны
Мимо Роя проплывут?!
Где же, господи, твой суд?!

Вот вопросы без ответа.
Подошла к концу беседа
О судьбе и жизни Роя.
Очень жалко — я не скрою.
Но пора нам возвращаться
В зал Сената, где клубятся,
Разгораются дебаты,
Рвутся в бой все, как солдаты.

Глава шестая.

Господа! Вы нас простили?!
Мы нормально изложили
Все перепетии Роя?
Да! Хлебнул он в жизни горя!
Но для нас он все же враг!
Но в душе что-то не так.
Как в обнимку: жалость, смех;
Вперемешку, как на грех!

Так. На чем остановились?
Да! На том, что согласились
С речью вице-президента:
Слушать в зале экс-агента
Об особенностях дней,
Тех, где будет послабей
Армия страны Советов.
Непредвзято, без наветов.

Тут сенатор из Кентукки,
Быстро взявший себя в руки,
Встал и тут же предложил:
«Нападем мы со всех сил
В понедельник. Что гадать?
Сможем без потерь загнать
За Урал Ивана мы.
Раз! И нету той страны!»

Все согласно закивали,
Кто постарше — зазевали:
«Предложенье голосуем,
Кофе в чашках посмакуем».
Рой поднялся угловато,
Отвечает виновато:
«Понедельник не подходит —
Всю кампанию угробит.

В стане нашего врага
Понедельники всегда —
Дни работы командиров:
И на флоте, в капонирах,
И в казармах, блин, — везде.
Подготовлены к войне
Генералы и солдаты,
Все их пушки и гранаты.

В понедельник командир -
Есть ответственный за мир.
Он ответственный всегда.
В этот день — как никогда.
В понедельник нападать —
Это против ветра сс...ть!
Все войска свои загубим,
И в плену у русских будем!»

Убедительно сказал:
Попритих, как-будто, зал.

Встала дама, штат Айова,
Просит предоставить слово:
«С Роем надо согласиться -
Понедельник не годится.
Мы во вторник нападём,
До Москвы, шутя, дойдём!»

Закивали сэры, дамы,
Словно все гиппопотамы:
«Точно! Вторник подойдет!
И свобода зацветет!
Вроде бы решить не сложно,
Враз покончить с этим можно!»

Но регламент соблюдает
Джонсон. Вот Рой выступает:

«Есть у русских одна хрень.
Всем военным набекрень
Сушит крепко, черт, мозги.
Ее трогать не моги.
Звучит гордо, где-то тонко.
Точно — политподготовка.
И ведется повсеместно,
Даже если нету места:

В эшелонах, в ПДД⁴⁶,
И на маршах, на корме.
В кубриках, в тайге дремучей,
По жаре, в мороз трескучий.

⁴⁶ - ПДД (сокр.) — пункт постоянной дислокации.

В караулах и на вахтах,
И на ядерных, блин, шахтах!
Средь больных, у них в палате,
С осужденными в дисбате⁴⁷!

Коммунизмом просвещают,
И, конечно, оснащают
Нелюбовью к капиталу.
Воздают и долг, и славу
Одному творцу чудес —
Лишь одной КПСС.
Учат все кругом плакаты,
Все вояки как фанаты.

Нападать в сей день не нужно,
Потому что без оружия
Наши все бока намнут.
Сказать проще — загрызут.
Яростны они особо,
Где идет политучеба.
Вот во вторник, в этот день,
И проходит эта хрень.

Вы — державные умы.
Не сносить вам головы,
Коль во вторник нападете.
Всю страну, блин, обречете
На позор от поражения.

⁴⁷ - дисбат — дисциплинарный батальон.

И не будет вам прощенья
От грядущих поколений.
Я уверен, без сомнений!»

Тут Сенат закопошился:
Кто-то, ойкнув, зажурился.
Мистер Харт (он из Небраски)
Заявляет: «Это сказки!
Сказанное очень важно,
Выглядит хоть эпатажно!
Нападаем в среду мы,
И не дурим головы!»

Чинно Рой поднялся сразу,
Не по Джонсона приказу:
«Нападать решили в среду?!
Только утром, иль к обеду?!
Может к вечеру, друзья?!
В среду нападать нельзя!
Враг погибнет минимально,
Но ответит максимально!

У советских всех солдат
Есть подсумки для гранат.
И скажу вам, блин, я сразу —
Сумка есть к противогазу.
В ней хранится его сало,
Все, что под руку попало.
Что бойцу господь подаст.
В среду — лишь противогаз»!

Пошли выкрики тут с мест:
«Сало пусть сначала съест!»

Рой ответил: «Не скажи!
Там по средам тренажи
Во всей армии и флоте,
И в штабах, и в самолете.
Чтобы ядерный удар
Не принес победы дар.

И от химии отбиться,
Всем здоровым сохраниться,
Стукнуть громко, от души
Помогают тренажи.
Я их сам тому учил,
Тренажи все проводил.
Вы по полной огребете,
Коли в среду нападете!»

Тихо в зале, полный штиль.
Сдали весь апломб в утиль.
Не додумались бы раньше,
Роя здесь не повстречавши,
Что вопрос-то непростой,
Нужно думать головой!
День атаки на Союз —
Вот, где зреет-то конфуз!

Взгляд сенаторов сменился,
Рой тотчас приободрился,

Развел плечи, выгнул грудь:

«Не посмеют упрекнуть

За высокий гонорар.

Выпущен павлиний пар!

Я успел в аду побыть.

Попрошу их уплатить

За все то, что перенес

Как бездомный, блудный пес!

За Моспех, еще за Кушку,

И за то, что как игрушку

Выдали, козлы, за Машу!

Расхлебал ядрёну кашу.

Вы платите по долгам —

Основание я дам»!

Джонсон шумно двинул кресло:

Не хватает ему места.

Речь он тихо произнес.

В интонации – вопрос:

«Нам понятно, без сомненья, —

В среду будут осложненья.

Что ж! Зачеркиваем строчку,

На среде мы ставим точку!

Не беда! Четверг назначим —

Наступленья обозначим.

Президент лишь утвердит,

А солдат наш победит!

И исчезнет с карты мира
Краснозвездная горилла.
С коммунизмом завершим,
Делать будем, что хотим»!

Но в момент, как речь держал,
Сам за Роем наблюдал
С беспокойством на лице,
Видя в удалом спеце
Оппонента рассуждений,
Всех сенаторских решений.
Но, ни разу не солгав,
Понимал, что тот был прав.

Рой уверенно поднялся,
В выраженьях не стеснялся.
Объяснил, как только мог:
Наступленье на Восток
Начинать в четверг опасно.
Говорил об этом страстно,
И душою не кривил.
Кажется, всех убедил:

«Коль в четверг вы соберетесь —
Данной цели не добьетесь.
Если все ж вторженье будет,
Русские за час загубят
Авиацию, войска —
Все сожнут до колоска.

И Америки весь флот
За день, блин, на дно уйдет.

Что касается ракет
(Их боится целый свет), —
То они вам не помогут,
Если долететь все смогут.
Ведь у русских тут и там,
В армии по четвергам
День учебы не простой —
Подготовки боевой!

Планы ладные рисуют,
Будто каждый день рискуют,
Изучая наставленья,
И оружия примененье.
Тренируют всех бойцов
По напутствию отцов.
Только все это трындеж,
Хоть на правду, блин, похож.

Если прямо мне сказать,
(Вот ей-ей, ядрена мать!)
В русской армии самой
Занимаются фигней:
Непонятные наряды,
Выгружают, блин, снаряды.
По приказу хозработы
От подъема до субботы.

Красят листья и траву.
Бог свидетель — я не вру.
Прикрепляют всюду бирки,
А в казармах — вечно стирки.
Есть в неделе один день,
Когда побоку вся хрень.
И в пустыне, и в тайге,
Все готовятся к войне.

Четвергом денек зовется.
Нападайте, коль неймаеся.
Повторяюсь без поправок:
Русским будет лишь в подарок
Вас в четверг увидеть в поле.
Все очутитесь в неволе!», —
Подытожил четко Рой.
Загудел зал меж собой:

Кто-то вскрикнул, кто-то харкнул,
Кейс чужой в запарке хапнул.
Попросились на обед.
Быстро сразу в туалет
Устремились толпой,
Гомоня между собой.
Легче там все обсудить,
С естеством переварить.

Рой из здания Конгресса
Вышел, словно лось из леса:
Мягко, тихо, величаво.

Наконец-то зазвучала
Музыка в его душе:
Ведь вещал не в шалаше!
Дума славою щекочет,
Вырваться наружу хочет.

«Расслабляться не годится,
Еще нужно попоститься:
Нет решения Сената.
Дней осталось маловато!»

Прошел в парк, чтоб прогуляться,
С мыслями в тиши собраться,
Повторяя про себя:
«Молодец какой, блин, я!»...

Линдон Джонсон, отобедав,
Устриц с паприкой отведав,
Заседанье продолжает
И вальяжно заявляет:
«Мы не будем повторяться,
И не стоит огорчаться.
Пятница в запасе есть —
Вот и отдадим ей честь!

Больше быть проблем не может,
Быстренько все подытожим!»
Но с опаскою глядит
В сторону, где Рой сидит:
«Вы не против, мистер Рой?
Всем пора уже домой!»

Рой, устало приподнялся,
Быть серьезным он старался:

«Побыстрее домой?! В бунгало?!

Как же это все достало!

Вы торопитесь куда?

На тот свет, что ль, господа?!

Назначайте, ё-моё!

Это дело не моё!

В пятницу, во вторник, братья,

Всё идут политзаняты!

Повторять опять все снова —

В том не вижу я прикола.

Не советую я вам

Этот день по всем статьям!»

Вмиг Сенат внезапно взвился:

Кто на кресло взгромоздился,

Кто под стол или в проход

Соскользнул наоборот.

Кто кричит, руками машет.

Кого душит нервный кашель.

Джонсон всех призвал к порядку —

Запустил в толпу тетрадку:

«Что орете как сирены?!

Вам бы отпахать две смены

На заводе, у станка!

Не орали бы тогда!

Вы — политики элита.
Никогда не будет бита
Карта наших интересов!
Правда, и не без эксцессов».

Многим стало стыдно-стыдно,
Тем не менее, обидно.
Все про пятницу забыли,
И про то, что учудили.
Джонсон тверд и непреклонен,
Весь Сенат им успокоен.
Как прекрасен он в работе:
«Переходим мы к субботе!
Президент же должен знать
День, в который нападать!
Остается лишь суббота.
Может будет против кто-то?!

Я уверен, мистер Рой,
Что в субботу двинем в бой.
С нами бог, и с нами сила,
Победим врага красиво!
Коммунизм так содрогнется,
Что соплями весь утрется!
Ожидает нас удача!»
Рой в ответ: «Вот незадача!

С вами ёкнуться, блин, можно!
Я не грубо. Осторожно.

От мечтаний отвлекитесь,
И услышать потрудитесь,
Что таит в себе суббота.

Отпадет у вас охота
Нападать в субботний день.
С ним такая дребедень:

День технический в субботу
Технарю или пилоту.
В Сухопутье — так везде,
На подлодке, корабле.
Где паркуются машины
Чинят все: движки и шины.
Заряжают (вдруг потери)
Силой тока батареи.

Пыль стоит, блин, коромыслом,
Все обслуживается быстро:
Связи станции, помех,
Пункты командиров всех,
Комплексы ракет могучих, —
Вот оттуда пыли тучи.
И из парков не уйдут,
Пока все не заведут.

Вы решили им поддать,
Блин, в субботу нападать.
Гадом буду, пропадете,
Ежли в день сей нападете!»

Джонсон лишь махнул рукой,
Гыкнул, словно чумовой.
Воровски, из-за угла,
Стал похож он на кота.
Заговорчески шепнул:
«Стоп! Довольно, хватит! Фулл!!!
Остается, без сомненья,
День один, блин, — воскресенье!

Извиняйте за слова:
Идет кругом голова!
В сокрушительном мече —
Воскресенье будет «Ч»!
Вариантов больше нет,
Затянулся наш совет.
Голосуем: кто же «За»?!»
«Блин! Разуйте же глаза!!!», —

Пулей взвился с места Рой, —
«Не спешите, сэры! Стой!
В Красной Армии советской
В воскресенье — ровно в детской:
С каждым, ептить, там солдатом
Офицер гуляет рядом.
Сплошь ответственные лица.
Выходной им и не снится!

Посчитайте, пóхрен лень:
Меньше будет в будний день
Офицерского состава в ПДД.

Это подстава —
В воскресенье нападать,
Бляха муха, так сказать!
Аргумент свой докажу —
Календарь вам покажу.

Напал Гитлер, блин, когда?!
В воскресенье, с утра
На империю Советов.
Ёптить, знают все об этом.
Как он кончил?! Всем понятно?!
Рассуждайте адекватно!
Ну а Пауэрс погорел
В день какой?! Недолетел.

Без меня вам кто озвучит,
Что история нас учит
С воскресеньем не дурить,
И с войной повременить.
Отдыхайте в день такой!
Всё же — это выходной»!
Рой закончил, важно сел.
Джонсон мокрый весь сидел.

После Роя веских слов,
Что Союз всегда готов
Отразить врага напасти,
Разгромить его все части;
Подготовлен к битве впрок,
Несмотря на день и срок, —

Зал накрыло тишиной,
Нездоровой – гробовой.

Затаились где: бравада
И беспечности отрада?
Отрицание сомнений,
Лобызанье личных мнений?
Испарились разом, вместе.
Но Сенат-то весь, на месте!
В Белом доме с нетерпением
Ждут ответа с приложением.

И не просто ждут отписки —
Обоснованности ждут. А риски
Столь масштабны, дифферентны,
Истинно беспрецедентны.
День который им наметить?!
Президенту что ответить?!
«Мистер Рой, нам помогите!
Что нам делать расскажите!»

Не у каждого из нас
Наступает звездный час.
Но случился он у Роя
И у долларового строя.
Экс-разведчик, неудачник,
Гранд-багамовский проказник
Превратился для Сената
В политмудрого магната.

Конгрессмены, не мигая,
Рот без жвачки оставляя,
Взор, вниманье устремили,
На того, кого хулили,
Презирали поначалу.
Тем не менее, к причалу
Подзатопленный их плот
Рой уверенно ведет:

«Убедились вы, друзья,
Что войной свалить нельзя
СССР, как ни крути.
Есть другие, блин, пути.
Не согнуть советских силой.
Обернется лишь могилой
Авторам вся их затея.
Пострадает первой шея.

Но страну социализма,
Как форпоста коммунизма,
Развалить, и впрямь, должны.
Только с тыльной стороны.
Вы войну ей объявите,
Но не прите, не спешите.
В горны русские задуют
Всмерть себя и замордуют.

По их внутренней природе
В руководстве, и в народе
Перед действием начала
Выпускают много пара.

В пар вся сила и уходит,
А до дела не доходит.
Тонкость эту не забудьте —
Похитрей вы русских будьте».

Взрыв оваций, крики «Браво!»
Внутри круга⁴⁸ зазвучало.
Джонсон плакал, руку жал,
С облегчением сказал:
«Мы Вас все благодарим,
По заслугам воздадим!
Вы свободны, честь имею,
И задерживать не смею».

А на ухо прошептал:
«В кассу я команду дал».
Рой всем гордо поклонился
И из зала удалился.

* * *

Все. Закончился рассказ,
Вновь прости, читатель, нас.
Мы прощаемся с героем —
Просто с бесфамильным Роем.
С чем в дальнейшем он столкнется,
Где ему бывать придется, —
Нам не ведом его путь.
Может встретим как-нибудь?!

⁴⁸ - внутри круга зазвучало — в зале заседаний Сената США кресла расположены по кругу.

Эпилог

Выводы, друзья, за вами,
Аргументы лишь у вас:
Стенограмму прочитали,
Интеллект есть про запас.
Выстрадал Сенат решение,
Белый дом все изучил.
Отогнал, Джон, все сомненья —
И мудрее поступил.

Заклучил он мировую
С Красной Армии страной,
Но и в яму долговую
Подгонял Союз с семьей.
Вектор этот неизменно
Во главе угла стоит,
И Америки надменной
Интересы зорко бдит.

Кумачевые знамена
Еще долгих тридцать лет
Развивались над колонной,
Что искала счастья след.
То петлял, то возвращался,
Прерывался даже след.
Миражом все притворялся —
Не прижился красный цвет.

Дальше — вышло как пророчил
В Капитолии давно
Рой. Триумф он лишь отсрочил.
Это грустно иль смешно!?
Ты участник в этом споре,
Не ответчик, не истец.
Данность божия в просторе.
А с поэмой всё.

КОНЕЦ